

В.С. Батури^{*}, А.С. Сагатова, А.П. Степкин

*Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан
(E-mail: baturin_vs@mail.ru, asem.sagatova@list.ru, stepkin2907@mail.ru)*

Взаимоотношения гражданина и государства: между должным и сущим

Статья посвящена концептуальному переосмыслению соотношения между сущим и должным, доминирующего в современном цивилизационном пространстве во взаимоотношении гражданина, институтов гражданского общества, с одной стороны, и государства — с другой. Отмечается, что, в отличие от нравственной основы этого взаимоотношения, столь характерного для античной Греции, начало иного, законодательно правового подхода к данной сфере было положено римской эпохой. При этом логика социального нормирования, столь характерная для греческого полиса: свобода–обязанности–права, уступает место совсем иной логике: закон–права–свобода. Дальнейшему доминированию этой логики в государственном обустройстве общества во многом способствовали идеи, связанные с легитимизацией неотчуждаемости так называемых «естественных» прав человека. Прослеживается, как дальнейшее практическое воплощение естественно-правовых идей нашло отражение в таких документах, как французская «Декларация прав человека и гражданина» (1789) и американский «Билль о правах» (1789). Обращено особое внимание на то, что при этом претерпело изменение само понятие «гражданин». Альтернативой существующему характеру взаимоотношения между государством и человеком могут служить средства, которые давно апробированы и довольно успешно применяются в законотворческой деятельности. При этом исходной правоотношений выступает амбивалентная взаимосвязь между правовым запретом (обязательством) и правовым разрешением (правом). Разработка собственной стратегии Казахстана в преодолении как накопившихся, так и будущих проблем во многом обусловлена законодательной легитимизацией в сфере гражданских отношений, именно приоритета должного над сущим.

Ключевые слова: гражданин, гражданское общество, государство, справедливость, свобода, обязанности, право, закон, естественные права, господство – подчинение, правовой запрет, правовое разрешение.

Введение

В современном обществе взаимоотношения человека, различного рода формируемых самими же людьми институтов гражданского общества, с одной стороны, и государства — с другой, строятся на законодательно правовой основе. В связи с этим, подлинно демократическим принято считать только «правовое государство». А этот тип государства, как правило, определяют как «правовую форму организации и деятельности публично-политической власти и ее взаимоотношений с индивидами как субъектами права, носителями прав и свобод человека и гражданина» [1; 106]. Подобного рода убеждения прочно укоренились в общественном сознании и, в большинстве случаев, ни у кого не вызывают сомнений.

В основе современного законотворчества лежит принцип, согласно которому каждый человек как гражданин может обладать только таким набором прав и свобод, определение и реализация которых возможна исключительно благодаря верховенству закона. Однако, как показывают современные реалии, традиционно принятый формат законодательно правового нормирования отношений гражданина, институтов гражданского общества, с одной стороны, и государства — с другой, все чаще и чаще теряет свою безупречность.

Даже наиболее передовые по демократическим меркам государства все чаще стали сотрясать коллизии, обусловленные протестными выступлениями, связанными с борьбой их гражданского населения за свои «права и свободы».

Наиболее явственно это продемонстрировали, к примеру, события во время пандемии, вызванной COVID–19, или разгул движения «Black Lives Matter» («Жизни черных важны») в США. А дни «Трагического января» 2022 г. в Казахстане зарождают большие сомнения в универсальности тех идеалов и ценностей, с которыми связывали молодые суверенные государства, возникшие на постсо-

^{*} Автор-корреспондент. E-mail: baturin_vs@mail.ru

ветском пространстве, безоговорочно избрав для себя путь «строительства правового государства с рыночно ориентированной экономикой и формирования гражданского общества».

Уже сама логика, определяющая последовательность приоритетов в разрешении задач, стоявших перед ними на этом пути, явно указывала на то, что процесс формирования гражданского общества при этом будет проходить под явным патронажем государства. И даже правовой статус подобного типа государства отнюдь не помешал, к примеру, в Казахстане за тридцатилетие его суверенного существования, как было отмечено Президентом Касым-Жомартом Токаевым, тому, что «...всего 162 человека владеют половиной состояния Казахстана» [2].

В этой связи республика столкнулась на сегодня с необходимостью разработки собственной стратегии, связанной не только с преодолением уже накопившихся проблем, но и способной в перспективе противостоять любым возможным вызовам и угрозам. Поэтому не случайно в Послании Главы государства Касым-Жомарта Токаева «Новый Казахстан: путь обновления и модернизации» отмечается: «Стоящие сегодня перед Казахстаном задачи требуют усиленного взаимодействия государства и неправительственных организаций, системной перезагрузки институтов гражданского общества» [3]. А это, в свою очередь, требует определенного переосмысления как понятийно-категориального аппарата, так и самой логики нормативно-правового регулирования взаимоотношения человека, гражданского общества и государства.

Методология и методы исследования

На основе методологии деятельностного подхода в статье рассмотрена ретроспектива идей, связанных с пониманием сущности взаимоотношения гражданина, гражданского общества и правового государства в разные исторические эпохи. При этом использование исторического и логического методов позволило определить причины, повлиявшие на изменение характера этих взаимоотношений. Применение логики ВАК позволило более адекватному пониманию перспективы развития этих отношений на будущее.

Обсуждение

Истоки формирования целостных концептуальных представлений о природе, сущности и взаимосвязи человека, гражданского общества и государства во многом связаны с античностью. Поскольку в представлении античных греков человек являлся политическим существом, то понятия «человек» и «гражданин», по смыслу, представлялись тождественными. Варвары же, как существа с «недоразвитой человеческой природой», в их представлении, не могли быть относимыми к данной категории людей.

Основу государственного обустройства античной Греции составляли граждане, атрибутивным качеством которых являлась политическая свобода, позволяющая им на паритетной основе участвовать в управлении делами полиса — государства, представлявшего собой сообщество подобного типа людей. Характерно, что сами эллины вкладывали в содержание понятия «полис», в первую очередь, не территорию, город или укрепление, а как раз гражданский коллектив. По выражению Аристотеля, классического представителя античной философской мысли, «дело не в стенах, ведь весь Пелопоннес можно было бы окружить одной стеной. Чем-то подобным является Вавилон и всякий город, представляющий собой, скорее племенной округ, нежели государственную общину...» [4; 448]. Ни о каком гражданстве с рождения, как это характерно для более поздних эпох, не могло быть и речи. Например, в Афинах, чтобы стать полноправным гражданином юноша-эфеб был обязан прежде пройти докимасию — проверку на способность быть гражданином. И только, пройдя ее и дав присягу, эфеб мог считаться полноправным гражданином. Здесь четко прослеживается логика производности прав даже свободного человека от выполнения до этого им определенного круга обязанностей в качестве гражданина.

Полис создавался на основе добровольного объединения свободных людей. Поэтому главной целью политического сообщества являлось служение общему благу, что и являлось критерием справедливости государства, придерживавшегося данного критерия в организации своей деятельности. Не случайно, по мнению Аристотеля, «...только те государственные устройства, которые имеют в виду общую пользу, являются, согласно со строгой справедливостью, правильными; имеющие же в виду только благо правящих — все ошибочны и представляют собой отклонения от правильных; они основаны на началах господства, а государство есть общение свободных людей» [4; 456].

Таким образом, проблема онтологии во взаимоотношениях гражданина и государства у эллинов тесно взаимосвязана с этической сферой. Это обусловлено тем, что в основе архитектуры взаимоотношений грека, как микрокосма, с себе подобными, лежали такие этические категории, как свобода, благо справедливость и др. Что служило основой формирования субъект-субъектной парадигмы взаимоотношений, как непосредственно между самими гражданами, так и между гражданином и властными структурами полиса.

Начало отхода от нравственной основы взаимоотношений человека и государства было положено римской эпохой. Деятельность римлян была обусловлена возросшим доминированием проблем повседневности. В связи с чем остро возникала потребность в принятии норм, полезность, значимость и общепонятность которых для римского сообщества проявлялась бы в формате: здесь и сейчас. При этом характер привилегированности положения коренных римлян стал находить свое выражение в определенном приоритете их прав по сравнению с правами других членов их окружения. Что нашло отражение в легитимной форме закрепления этих видов прав в виде специальных законов.

Именно с этого времени во взглядах на закономерности нормирования социального пространства происходит их своеобразное смысловое преобразование. Суть последнего состоит в том, что при формировании взаимоотношений в обществе начинает преобладать не нравственная, а юридическая доминанта. Логика социального нормирования, столь характерная для греческого полиса: свобода–обязанности–права уступает место совсем иной логике организации подобного нормирования: закон–права–свобода. При этом мера и объем прав ставятся в зависимость не от характера и содержания выполненных человеком соответствующих обязанностей, а от властных предписаний законов. Что послужило основой формирования совсем иной — субъект-объектной парадигмы организации взаимоотношений во всех сферах жизни Римской империи.

Римлянами в подобной же логике была заложена тенденция для дальнейшей дифференциации понятий «человек» и «гражданин». Юристом Ульпианом (II–III вв.) частное право было разделено на естественное право, к которому относились предписания природы, то, что свойственно всему живому, например, создание семьи и воспитание детей, право народов, включающее в себя все то, что свойственно всем людям в отношениях между собой, и гражданское право, субъектами которого являлись собственно римские граждане [5; 83–85].

В Средние века произошел своеобразный возврат к нравственно-этическим проблемам в организации социального нормирования. Однако эти проблемы были вызваны к жизни совсем иными причинами — безусловным господством тео-церкво-центризма. Любой верующий априорно был объектоподобным в силу того, что субъектом мог быть только Творец. Поэтому субъект-объектной парадигме организации, как жизни отдельного человека, так и его зависимости от государственной власти, попросту, не было альтернативы. В этих условиях право на пребывание после смерти в раю, по религиозным канонам, зависело только от самого человека. А страх и совесть являлись теми важнейшими истоками мотивации в индивидуальной и коллективно организованной жизнедеятельности верующего, которые удерживали его от свершения греховных деяний. Поскольку власть представлялась богоугодной деятельностью, ведь Творец, в принципе, не мог совершать деятельность иного вида, то безоговорочное законопослушание светской власти для верующего являлось вполне естественным явлением. На практике социальный уклад средневекового общества оборачивался усилением личной зависимости человека от монарха. Ведь он являлся «помазанником божьим» на Земле. Поэтому его власть считалась столь же абсолютной, равно как и власть Всевышнего над Миром. Такую политико-правовую связь между человеком и существующей властью, носящую односторонний характер, принято называть подданством. Естественно, что ни о каком гражданине в подлинном смысле этого слова в данном случае не могло быть и речи.

Основу современных взаимоотношений теперь уже государства и гражданина составляют идеи, сложившиеся в Новое Время. Авторы этих идей: Г. Гроций, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо и другие находились под влиянием естественно-научной картины мира, господствовавшей в данную историческую эпоху. Несмотря на детальные различия, данные теории направлены на легитимизацию неотчуждаемости так называемых «естественных» прав человека. Государство, по их мнению, представляя собой «общественный договор», согласно которому оно, в первую очередь, и должно было обеспечить своим подданным (гражданам) право на жизнь, свободу и собственность.

Так, согласно Дж. Локку, свободным человеком можно назвать того, кто «не подчиняется никакой другой законодательной власти, кроме той, которая установлена по согласию в государстве» [6; 274]. Таким образом, в данном случае четко просматривается идея о зависимости свободы, меру

которой государство в законодательной форме предоставляет гражданину в качестве определенного права.

Достаточно интересными являются взгляды представителей немецкой классической философии, предпринявших попытку объяснить природу человека и общества на основе использования интроспективного подхода. Суть последнего состояла в том, чтобы дать объяснение объективной взаимосвязи, существующей между обязанностями и правами в качестве проявления саморазвития свободной воли, а не являющихся диктатом закона, устанавливаемого по воле властного суверена, вождя, партии или даже от имени самого «народа». Их заслугой является то, что, решая проблемы права, они вышли за пределы юридического толкования, отдав приоритет формату проявления морали и нравственности.

И. Кант, решая проблему антиномии свободы и необходимости, исходил из того, что человек, хотя и является частью природы, подчиненной законам всеобщей необходимости, в то же время обладает трансцендентальной сущностью, благодаря чему обладает свободной волей, не подчиненной необходимости. Именно это и позволяет человеку устанавливать моральные принципы и обязывает его их же и исполнять. Центральным понятием кантовской этики является категорический императив, в одной из формулировок звучащий следующим образом: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своём лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» [7; 270].

Вершину данного направления представляет собой «Философия права» Г. Гегеля. В центре системы Гегеля — диалектическое саморазвитие Абсолютного духа. Тремя основными формами конкретизации понятия свободы в саморазвитии Абсолютного духа являются: абстрактное право, моральность и нравственность. Предметом абстрактного права является воля свободного «я». На стадии морали это лицо становится субъектом с осознанными целями и мотивами своих поступков. Абстрактное право и мораль приобретают свою действительность и конкретность в своем синтезе нравственности, или объективной морали, когда понятие свободы объективируется в наличном мире в виде семьи, гражданского общества и государства.

Гегель рассматривает понятие гражданина не автономно, а в качестве члена гражданского общества. Ведь только в гражданском обществе возможна реализация потребностей, интересов и целей отдельного человека. В таком обществе, по выражению Гегеля, «...каждый для себя — цель, все остальное для него — ничто. Однако без соотношения с другими он не может достигнуть своих целей во всем их объеме: эти другие суть поэтому средства для цели особенного. Но особенная цель посредством соотношения с другими придает себе форму всеобщего и удовлетворяет себя, удовлетворяя вместе с тем стремление других к благу» [8; 228]. Такое общество, раздираемое внутренними противоречиями, обусловленными, в первую очередь, сословным антагонизмом, самостоятельно разрешить не в силах. В результате оно заинтересованно в организации более высокого уровня, каким видом и является государство. Граждане, даже и подчиняясь общеустановленной государственной власти, тем не менее остаются свободными, поскольку это подчинение является не насильственным, а результатом проявления их свободной воли.

Взаимосвязь гражданского общества и государства Гегель характеризует следующим образом: «По отношению к сферам частного права и частного блага, семьи и гражданского общества, государство есть, с одной стороны, *внешняя* необходимость и их высшая власть, природе которой подчинены и от которой зависят их законы и их интересы; но, с другой стороны, оно есть их *имманентная* цель, и его сила — в единстве его всеобщей конечной цели и особенного интереса индивидов, в том, что они в такой же степени имеют обязанности по отношению к нему, как обладают правами» [8; 287]. В гегелевской концепции обязанности граждан есть права государства, а обязанности государства есть права граждан.

К сожалению, в обществе, где доминирующим во всех сферах общественной жизни является отношение «господство–подчинение», идеи представителей немецкой классической философии остаются не востребованными до сих пор.

Дальнейшее практическое воплощение естественно-правовых идей нашло отражение в содержании таких документов, как французская «Декларация прав человека и гражданина» (1789) и американский «Билль о правах» (1789). Принятие которых было обусловлено многовековой борьбой подданных за свои права и направлено на ликвидацию абсолютной монархии и других социально-политических и юридических норм феодального общества. Так, содержание французской декларации составляют права человека, к которым относятся «естественные» права и права гражданина, позво-

ляющие ему участвовать в управлении государством. На первый взгляд, здесь присутствует преемственность с укладом организации жизни античного полиса. Однако здесь претерпело изменение само понятие «гражданин». Если в античности гражданином считался тот, кто, как свободный человек, участвовал в деятельности «законосовещательной или судебной власти», то в данном случае гражданами являются лишь те, чья деятельность регламентируется законодательно правовой юрисдикцией конкретного государства.

Как справедливо заметил В.С. Нерсисянц, термин «гражданское общество» теперь явно не соответствует тому, что им обозначается: «Ведь сообществом граждан является не гражданское общество, а, напротив, государство. В сфере же гражданского общества — вопреки наименованию — мы имеем дело как раз не с гражданином (не с политической фигурой, не с субъектом публично-властных отношений и публичного права), а с частным, неполитическим и непубличным человеком — носителем частных интересов, субъектом частного права, участником гражданско-правовых отношений» [1; 110]. К примеру, согласно американской конституции: «Все лица, родившиеся или натурализованные в Соединенных Штатах и подчиненные их юрисдикции, являются гражданами Соединенных Штатов и штата, в котором они проживают» [9]. В данном случае идет привязка гражданства к вполне конкретной государственной принадлежности. И только этой категории граждан государства гарантировало защиту их «естественных прав и свобод». В дальнейшем уже на международном уровне была принята «Всеобщая декларация прав человека» (1948). И здесь основной акцент был сделан именно только на правах человека.

Современное цивилизационное пространство продолжает функционировать в парадигме данного юридического натурализма. Сегодня нормирование общественных отношений направлено на поиск компромисса между правами различного рода властных структур, включая и государство, и правами, отраженными во «Всеобщей декларации прав человека». Что нашло свое отражение в теории «поколений прав», включающей в себя перечень личных, политических, социально-экономических, культурных и других видов прав. А сам характер и содержание этих прав обусловлен: то требованиями, диктуемыми волей законодателя; то предпочтением здравого смысла; то диктатом сложившихся ситуаций и т.п. В данном случае наглядно видно, что сущее приобретает явный приоритет над должным.

Ведь наделение граждан правами происходит исключительно в тех рамках, которое государство, как целостное социальное образование, сочтет безопасным, прежде всего, для своего самосохранения. Поэтому гражданин, как конкретный человек, оказывается ведомым во взаимоотношении с государством, которое выступает в роли ведущего. И это является одним из атрибутов даже для самых передовых по демократическим меркам государств. Но при этом сохраняется опасность того, на что указывал еще И. Кант. «Ведь каждый облеченный властью всегда будет злоупотреблять своей свободой, когда над ним нет никого, кто распорядился бы им в соответствии с законом» [10; 14]. А ведь именно это, в конечном итоге, и способствует нагнетанию в обществе социальной напряженности, приводящей, зачастую, даже к возникновению всевозможного рода социальных конфликтов.

Похоже, что именно дни «Трагического января» 2022 в Казахстане послужили одной из причин для принятия радикальных мер, отмеченных в Послании Главы государства Касым-Жомарта Токаева, где указано: «Речь, прежде всего, идет об окончательном переходе от суперпрезидентской формы правления к президентской республике с сильным Парламентом. Такая система обеспечит оптимальный баланс властных институтов и будет способствовать устойчивому развитию страны» [3].

Для того, чтобы любые социальные образования действительно отвечали интересам всех его членов и обеспечивали реальную паритетность во взаимоотношениях граждан с государством, необходимо переосмыслить логику формирования правоотношений, доминирующих в современном цивилизационном пространстве. И главной целью здесь должно являться сохранение неотчуждаемости, в первую очередь, именно свободы, присущей человеку, исходя из его сущности. Альтернативой господствующим представлениям в данном случае могут служить отдельные идеи, высказанными в античности и представителями немецкой классической философии.

Согласно деятельностному подходу в основе любой активности человека лежит его потребностное состояние, находясь в котором он испытывает недостаток того, без чего не может сохранить свое стабильное самодостаточное существование. Поскольку человек не способен удовлетворить все свои потребности самостоятельно, ему приходится строить взаимоотношения с другими людьми, формируя тем самым искусственно создаваемое социальное пространство.

Делая это осознанно, он проявляет свободу собственного выбора. Учет своих потребностей и потребностей других участников совместно организуемого ими социального пространства достигает

ся за счет предварительного согласования при этом норм осуществления деятельности каждого из них. Что предполагает, в первую очередь, выполнение каждым из них определенных функциональных обязанностей. А уже, во вторую очередь, приобретение ими прав при распределении того, что станет результатом их совместно организованной деятельности. По мере усложнения потребностей в ходе подобным образом организации различных видов социальной деятельности, общественные отношения приобретают более высокий уровень, каждый из которых является производным по отношению к предыдущему.

Таким образом, первый, базовый уровень любого типа социально организованной деятельности составляют взаимоотношения людей друг с другом. Что, кстати, было замечено еще Гегелем: «Потребности и средства как реальное наличное бытие становятся бытием для других, потребностями и трудом которых взаимно обусловлено их удовлетворение» [8; 236].

В контексте деятельностного подхода организацию социальной деятельности и всех видов взаимоотношений в гражданском обществе, определяющих собой характер «инобытия» индивидуальной жизнедеятельности любого человека в окружающей его социокультурной среде, в конечном итоге, можно свести к следующим основным видам проявления.

Первый из них — это взаимоотношения, возникающие на межгражданском уровне. Юридически этот вид взаимоотношений можно квалифицировать как отношение между физическими субъектами, то есть рядовыми членами (гражданами) сообщества.

Ко второму уровню следует отнести взаимоотношения, возникающие между рядовыми гражданами и любым типом социальных образований, имеющих общественный, производственный или властный характер и возникающих в качестве сервисной функции по обслуживанию интересов все тех же физических субъектов. Именно эти образования, в процессе отчуждения, формируют собой новый тип социального пространства, где, наряду с людьми, то есть реальными субъектами, начинают функционировать различного рода квазисубъекты, существующие наряду и независимо от первых, и даже, как правило, господствуя над ними.

В системе правоотношений этот вид квалифицируется как отношения между физическими и юридическими субъектами. В качестве физического в данном случае может выступать любой отдельно взятый человек. А юридического — любое социальное образование, или даже государство, в целом. Ведь все они, в той или иной форме, по функции призваны выражать определенный коллективный, то есть социальный интерес, как некую вне и над-личностную волю.

Третий вид — это взаимоотношения, которые, благодаря своей легитимной природе, возникают непосредственно между различного рода общественными, производственными, властными образованиями, отдельными государствами и иными структурными подразделениями в рамках мирового сообщества. Этот вид взаимоотношений определяется как отношения между юридическими субъектами.

В этой связи и юридические законы, по их функциональному предназначению, тоже могут быть подразделены соответственно на три взаимосвязанных и взаимообусловленных между собой уровня. Здесь необходимо сразу оговориться, что к любому юридическому закону следует относиться не как к первопричине, предоставляющей человеку право на тот или иной вид свободы. Ведь любой закон является всего-навсего лишь одним из способов (вспомогательных средств) нормирования любого типа совместно организованной социальной деятельности. А наиболее социально значимые законы предполагают применение специальных санкций при их несоблюдении.

В этом случае к первому уровню следует отнести законы, в определенной мере обеспечивающие максимум свободы в процессе индивидуальной жизнедеятельности граждан и выступающие основой их межгражданских взаимоотношений. В силу своей специфики законы этого уровня призваны играть особую роль при формировании всей законодательной системы государства, определяемого как правовое. Логично предположить, что исходной системообразующей законодательства нового типа могли бы стать законы, которые определяли и гарантировали персонально каждому члену сообщества то «неотчуждаемое пространство моновладения», на которое никто и ни под каким предлогом не имел бы права претендовать.

По существу, человеческое сообщество близко к осознанию того, что предоставляемая и гарантируемая подобным образом мера свободы каждого человека — это исходное условие существования любого цивилизованного государства. И будущее человечества, похоже, именно за подобным отношением социума к своим членам. Не случайно, видимо, следуя логике тенденции исторического развития, мировое сообщество на международном уровне пытается так много сделать для того, чтобы безоговорочно жизнь любого человека была бы признана высшей, неотчуждаемой ценностью. Здесь,

в первую очередь, речь идет о том, чтобы нормой жизни стали неприкосновенность достоинства и личной свободы; свобода слова; свобода в определении гражданства, места жительства, языка общения, выбора деятельности, профессии и многое другое [11]. Только это «пространство моновладения» следует рассматривать не в качестве особого, «даруемого» вида права, предоставляемого по воле закона, или того, кто за ним стоит. Наоборот, сам закон следует считать лишь средством, обеспечивающим наличие этого «моновладения» каждому из членов сообщества и гарантирующим его неизбывность в любой социокультурной среде.

Второй уровень могли бы составить законы, регламентирующие взаимоотношения между человеком, как гражданином, и любым типом социального образования. По своей сути, этот уровень представляют законы, призванные регулировать любой характер взаимоотношений между человеком и властью, в том числе и государством. В основу регулирования взаимоотношений на этом уровне в качестве определяющего методологического принципа может быть взято положение, высказанное еще М. Вебером. Он подчеркивал, что государство означает «*только* вид человеческого поведения особого рода» [12; 508]. Поэтому вряд ли может быть оправдана ситуация, когда один, пусть даже и атрибутивный, но именно «только вид человеческого поведения», возводится в ранг абсолюта. И под него пытаются подмять все остальные виды и формы бытия человека. Государство, власть следует рассматривать лишь в качестве, пусть важнейшего и определяющего, но все же только средства для организации и налаживания человеческого бытия, способствующего раскрытию поистине универсальной природы человека.

К третьему уровню могут быть отнесены законы, отражающие характер взаимоотношений между властными структурами различного вида, в том числе даже и ранга межгосударственного. Что особо следует учитывать в условиях налаживания между ними взаимоотношений, претендующих на паритетный характер.

При этом необходимо иметь в виду, что каждый последующий уровень законов следует рассматривать как сервисный по отношению к предыдущему. Это объясняется тем, что его появление было объективно обусловлено необходимостью решения задач, затруднений и проблем более высокой степени значимости и сложности, разрешение которых на предыдущем уровне оказывалось недостижимым. Данному обстоятельству следует найти свое отражение, прежде всего, в методологии и логике формирования всей новой законодательной системы. И, в первую очередь, при определении последовательности принятия самих законов. Учет подобного фактора может быть положен в основу определения взаимосвязи, взаимообусловленности и взаимозависимости между законами как внутри каждого из уровней, так непосредственно и между самими уровнями.

При решении этой, весьма непростой задачи могут быть задействованы средства, которые давно апробированы и довольно успешно применяются в самой законотворческой деятельности.

Как известно, исходной правоотношений является амбивалентная взаимосвязь между правовым запретом (обязательством) и правовым разрешением (правом). Суть правового запрета: «Разрешено все, что не запрещено законом», сводится к тому, чтобы конкретно, четко и исчерпывающе исключить то, что по своей природе является общественно опасным и может нанести вред или привести к негативным последствиям в деятельности или отношениях, осуществляемых в гражданском обществе непосредственно каждым из его членов.

Предназначение же правового разрешения: «Запрещено все, что не разрешено законом», наоборот, связано с признанием особой значимости, следовательно, и полезности отраженных в них отношений, функций, действий и т.д., характерных для любого рода юридических субъектов. Именно в силу этой, своей особой значимости и ценности для общества, они берутся под защиту закона. Поэтому они являются обязательными для исполнения каждым из числа юридических субъектов. При чем правовые разрешения не должны выходить за рамки прямых правовых запретов, в силу их первичности, фундаментальности и значимости, в первую очередь, непосредственно для каждого человека.

Фактически каждая из этих амбивалентных составляющих в той или иной форме уже нашла свое закрепление как в Конституции Республики Казахстан, так и в Конституциях других суверенных государств. Подтверждением тому может служить наличие в них четко зафиксированных видов свобод, которые предоставляются каждому из их граждан, посягать на которые никто не имеет права. Одновременно в них определяются границы полномочий, рамки и содержание функциональных обязанностей, являющихся компетенцией различных уровней властных структур и т.д. Только теперь необходимо, чтобы правовой запрет и правовое разрешение определялись и существовали не отдельно сами

по себе, а находились бы между собой в строго соответствующем их природе амбивалентном соотношении. Использование данного положения в качестве исходной системообразующей, при надлежащей логически обоснованной взаимосвязи с другими регулятивными принципами, могло бы стать основой при определении стратегии формирования всей законодательной базы государства, претендующего на статус гражданского общества. С одной стороны, это позволило бы законодательно закрепить за каждым из участников социальных отношений конкретно ту, своеобразную «зону свободы в деятельности», распоряжаться которой он мог бы по своему собственному усмотрению, а не по указке, диктуемой извне. А с другой — сделало бы более прозрачным сам факт любого «вторжения» в эту зону всех тех, кто относится по функции к разряду юридических субъектов. Особенно тогда, когда они, по традиции, осуществляют это якобы по «велению» закона.

Формируемая и функционирующая в русле данной логики законодательная система как нельзя лучше соответствует культуре взаимоотношений, которые бы позволили до минимума свести возможность использования любого субъекта, будь то физическое или юридическое лицо, в качестве объекта для другого, стоящего как бы над ним, участника социальных взаимоотношений. Не противоречит она, в принципе, и самой рыночной идеологии.

Таким образом, при стратегии формирования гражданского общества в основу методологии формирования всей системы его законодательства может быть положен принцип, когда «инобытие» жизнедеятельности его непосредственных членов (граждан) организовывалась бы на основе правового запрета. А деятельность, касающаяся его юридических субъектов, — на основе правового разрешения. И это вовсе не какие-то теоретические измышления. Частично использование данной методологии уже давно апробировано на практике.

Как известно, действующая Конституция США, была принята в 1787 году. И этот внушительный срок ее неизменного существования во многом обусловлен именно методологическими принципами ее формирования. Уже в первом разделе первой статьи нашел свое применение принцип «правового разрешения». «Все установленные здесь полномочия законодательной власти принадлежат Конгрессу Соединенных Штатов, который состоит из Сената и Палаты представителей» [9].

А второй раздел этой же статьи наглядно демонстрирует амбивалентный характер соотношения, существующий между, в первую очередь, обязанностями, и только во вторую, правами.

«2.1 Не может быть представителем тот, кто не достиг двадцатипятилетнего возраста, не состоит в течение семи лет гражданином Соединенных Штатов и не является в момент избрания жителем того штата, где он избирается.

2.2 Представители и прямые налоги распределяются между отдельными штатами, могущими вступить в настоящий Союз, пропорционально численности их населения, для определения которой к числу всех свободных людей, включая лиц, обязанных кому-либо службой в течение нескольких лет, и исключая не платящих налогов индейцев, прибавляется три пятых прочих лиц» [9].

К сожалению, именно данная методология и не учитывается сегодня многими современными государствами, избравшими для себя путь построения гражданского общества. А это позволило бы во многом сократить конфликтогенный потенциал тех жизненных коллизий, с которыми сегодня приходится сталкиваться практически всем государствам мира.

Выводы

Кризисное состояние современного цивилизационного пространства наглядно демонстрирует, что путь следования исключительно юридическим принципам при регламентировании взаимоотношений граждан с государством оказывается не таким уж и эффективным. И это даже несмотря на то, что политика современных государств зачастую сопровождается использованием ими в своей деятельности не только «жесткой», но так называемой «мягкой» силы. Облачаясь при этом в различные, внешне привлекательные формы.

Как отмечается в Послании Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана от 16 марта 2022 г.: «Стоящие сегодня перед Казахстаном задачи требуют усиленного взаимодействия государства и неправительственных организаций, системной перезагрузки институтов гражданского общества» [3].

Однако сегодня, к сожалению, именно субъект-объектному формату отдается предпочтение при организации всех сфер гражданских взаимоотношений в государстве, в которых, благодаря законодательной легитимизации, сфере существующего отдан приоритет перед сферой должного. В этой связи проблема создания такого типа гражданского сообщества, который обеспечивал бы свое существо-

ование в режиме, исключая игнорирование интересов любого его члена, равно как и любого вида организуемых ими социальных образований, имеет не только теоретическое, но и важнейшее практическое значение. Думается, что построение последнего во многом будет определяться тем, насколько сообщество сумеет успешно справиться с задачей создания такого типа сообщества людей, в котором будет совершенно иным и сам арсенал способов формирования в нем «надприродных» потребностей, и применяемая при этом логика самоорганизации всех видов социальной деятельности, направленная на их удовлетворение.

Список литературы

- 1 Нерсесянц В.С. Философия права: учеб. для вузов / В.С. Нерсесянц. — М.: Норма, 2005. — 656 с.
- 2 Глава государства провел встречу с представителями отечественного бизнеса [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-provel-vstrechu-s-predstaviteli-otchestvennogo-biznesa-2103845>
- 3 Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Новый Казахстан: путь обновления и модернизации» от 16 марта 2022 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1623953>
- 4 Аристотель. Сочинения: [В 4-х т.]. — Т. 4. / Аристотель; пер. с древнегр., общ. ред. А.И. Доватура. — М.: Мысль, 1983. — 830 с.
- 5 Дигесты Юстиниана. — Т.1. — 2-е изд. / пер. с лат., под. общ. ред. Л.Л. Кофанов. — М.: Статут, 2008. — 584 с.
- 6 Локк Дж. Сочинения: [В 3-х т.]. — Т. 3 / Дж. Локк; пер. с англ. и лат., ред. и сост., авт. прим. А. Л. Субботин. — М.: Мысль, 1988. — 668 с.
- 7 Кант И. Сочинения: [В 6-х т.]. — Т.4. — Ч.1 / И. Кант; под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. — М.: Мысль, 1965. — 544 с.
- 8 Гегель Г.В. Философия права / Г.В. Гегель; пер. с нем., ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц. — М.: Мысль, 1990. — 524 с.
- 9 Constitution of the United States. Retrieved from <https://constitution.congress.gov/constitution/>
- 10 Кант И. Сочинения: [В 6-и т.]. — Т.6 / И. Кант; под общ. ред. В.Ф. Асмуса. А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. — М.: Мысль, 1966. — 742 с.
- 11 Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
- 12 Вебер М. Основные социологические понятия. Избранные произведения / М. Вебер; пер. с нем., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова. — М.: Прогресс, 1990. — С. 602–643.

В.С. Батурич, Ә.С. Сағатова, А.П. Степкин

Азамат пен мемлекеттің өзара қарым-қатынасы: тиісті және нақты арасында

Мақала қазіргі өркениет кеңістігіндегі бір жағынан азаматтың, азаматтық қоғам институттарының және екінші жағынан мемлекеттің қарым-қатынасында басым болатын нақтылық пен болуы тиісті арасындағы өзара қарым-қатынасты тұжырымдамалық тұрғыдан қайта қарастыруға арналған. Ежелгі Грекияға тән бұл қарым-қатынастың моральдық негізінен айырмашылығы, бұл салаға басқаша, заң шығарушы және құқықтық көзқарастың бастауы Рим дәуірінде қаланғандығы аталып өтіледі. Сонымен қатар, грек полисіне тән әлеуметтік реттеу логикасы: бостандық – міндеттер – құқықтар, мүлдем басқа логикаға жол береді: заң – құқықтар – бостандық. Қоғамның мемлекеттік орналасуында осы логиканың одан әрі үстемдігіне көбінесе адамның «табиғи» деп аталатын құқықтарының бөлінбеуін заңдастыруға байланысты идеялар ықпал етті. Табиғи-құқықтық идеялардың одан әрі практикалық іске асырылуы француздық «Адам және азамат құқықтары декларациясы» (1789) және американдық «Билль құқықтар туралы» (1789) сияқты құжаттарда қалай көрініс тапқаны байқалады. «Азамат» ұғымының өзі өзгеріске ұшырағанына ерекше назар аударылады. Мемлекет пен адам арасындағы қарым-қатынастың қолданыстағы сипатына балама ретінде ұзақ уақыт сыналған және заң шығаруда сәтті қолданылған құралдар бола алады. Бұл ретте, бастапқы құқықтық қатынастар құқықтық тыйым салу (міндеттеме) мен құқықтық рұқсат беру (құқық) арасындағы екіжақты өзара байланыс болып табылады. Қордаланған және келешектегі проблемаларды еңсерудегі Қазақстанның өзіндік стратегиясын әзірлеу көп жағдайда азаматтық-құқықтық қатынастар саласындағы заңнамалық заңдастыруға тиісті нәрсенің басымдылығымен байланысты.

Кілт сөздер: азамат, азаматтық қоғам, мемлекет, әділдік, бостандық, міндеттер, құқық, заң, табиғи құқық, үстемдік-бағыну, құқықтық тыйым, құқықтық рұқсат.

Relationship between the citizen and the state: between the due and the existing

The article is devoted to the conceptual rethinking of the relationship between the existing and the due prevailing in the modern civilizational space in the relationship between the citizen, the institutions of civil society, on the one hand, and the state, on the other. It is noted that, unlike the moral basis of this relationship, so characteristic of ancient Greece, the beginning of a different, legislative approach to this area was laid by the Roman era. At the same time, the logic of social rationing, so characteristic of the Greek polis: freedom – duties – rights, gives way to a completely different logic: law – rights – freedom. The further dominance of this logic in the state arrangement of society was largely facilitated by the ideas that developed in modern times. They greatly contributed to the legitimization of the inalienability of so-called “natural” human rights. Unfortunately, the ideas of representatives of German classical philosophy, which revived the moral principles of state-building in society, where the dominant in all spheres of public life even today is the “domination-submission” attitude, remain not in demand. It can be traced how the further practical embodiment of natural legal ideas was reflected in such documents as the French “Declaration of Human and Civil Rights” (1789) and the American “Bill of Rights” (1789). Special attention was paid to the fact that the very concept of “citizen” underwent a change. In this case, only the one whose activities are regulated by the legal jurisdiction of a particular state is a citizen. It is noted that the modern civilizational space continues to function in conditions where the paradigm of this legal naturalism is dominant. It is demonstrated that an alternative to this can be means that have long been tested and successfully used in legislative activity. At the same time, the initial legal relationship is the ambivalent relationship between legal prohibition (obligation) and legal permission (right). For example, the impressive period of the invariable existence of the current US Constitution is largely due to the methodological principles of its formation determined in the article. The development of Kazakhstan’s own strategy in overcoming both accumulated and future problems is largely due to the legislative legitimization in the field of civil relations of the priority due over the existing one.

Keywords: citizen, civil society, state, justice, freedom, duties, right, law, natural rights, domination-submission, legal prohibition, legal permission.

References

- 1 Nersesiants, V.S. (2005). *Filosofia prava [Philosophy of Law]*. Moscow: Norma [in Russian].
- 2 Glava gosudarstva provel vstrechu s predstaviteliami otechestvennogo biznesa [Head of the state held a meeting with representatives of domestic business]. *akorda.kz*. Retrieved from <https://akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-provel-vstrechu-s-predstaviteliami-otechestvennogo-biznesa-2103845> [in Russian].
- 3 Poslanie Glavy gosudarstva Kasym-Zhomarta Tokaeva narodu Kazakhstana «Novyi Kazakhstan: put obnoveniia i modernizatsii» ot 16 marta 2022 goda [State-of-the-Nation Address by Head of the Republic of Kazakhstan “New Kazakhstan: the path of renewal and modernization” of March 16, 2022]. *akorda.kz*. Retrieved from <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1623953> [in Russian].
- 4 Aristotel (1983). *Sochineniia [Compositions]*. A.I. Dovatur (Ed.). (Vols. 1-4; Vol. 4). Moscow: Mysl [in Russian].
- 5 Kofanov, L.L. (Eds.). (2008). *Digesty Yustiniana [The Digest of Justinian]*. (Vol. 1, 2nd ed.). Moscow: Status [in Russian].
- 6 Locke, J. (1988). *Sochineniia [Compositions]*. A.L. Subbotin (Ed.). (Vols. 1-3; Vol. 3). Moscow: Mysl [in Russian].
- 7 Kant, I. (1965). *Sochineniia [Compositions]*. V.F. Asmus, A.V. Gulyga, T.I. Oizerman (Ed.). (Vols. 1-6; Vol. 4, Part 1). Moscow: Mysl [in Russian].
- 8 Hegel, G.W. (1990). *Filosofia prava [Philosophy of Law]*. D.A. Kerimov, V.S. Nersesiants (Ed.). Moscow: Mysl [in Russian].
- 9 Constitution of the United States. <https://constitution.congress.gov/constitution/>
- 10 Kant, I. (1966). *Sochineniia [Compositions]*. V.F. Asmus, A.V. Gulyga, T.I. Oizerman (Ed.). (Vols. 1-6; Vol. 6). Moscow: Mysl [in Russian].
- 11 Vseobshchaia deklaratsiia prav cheloveka [Universal Declaration of Human Rights]. *un.org*. Retrieved from https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml [in Russian].
- 12 Weber, M. (1990). *Osnovnye sotsiologicheskie poniatii [Basic Sociological Terms]*. Yu.N. Davydov (Ed.). *Izbrannye proizvedeniia – Selected works*. Moscow: Progress [in Russian].